

**Книги русской эмиграции: библиографический контроль
и возможности комплектации фондов библиотек**

**The Books of Russian Emigration: Bibliographic Control
and Opportunities for the Libraries' Collection Development**

**Книжки російської еміграції: бібліографічний контроль
та можливості комплектування фондів бібліотек**

Дэвид Аранс

Библиотека Конгресса США, Вашингтон, округ Колумбия, США

David Arans

The Library of Congress, Washington, DC, USA

Девід Аранс

Бібліотека Конгресу США, Вашингтон, округ Колумбія, США

За 74 года существования советской власти за пределами СССР оказалось несколько миллионов русскоговорящих людей. Все эти годы для них печатались книги, не проходившие советскую цензуру, что делает их ценными для историков, изучающих как историю России, так и историю русской эмиграции. Попытки библиографического контроля над этими изданиями были спорадическими и не покрывали большей части издаваемых книг. Большое количество этих книг уже переиздано в России, но еще большее количество остается неизвестным для русского исследователя. Необходимо создать сотрудничество между библиотеками разных стран для создания общего каталога этих книг и создания возможностей их розыска в библиотеках мира.

For 74 years of the Soviet Power history several millions of Russian speaking people found themselves outside the USSR. For these years they had a chance to read books, which did not pass the Soviet censorship. That makes them valuable for historians, who study either Russian history of the history of Russian emigration. The attempts of implementing bibliographic control of these publications were mostly sporadic and did not cover the vast of published books. A great deal of these books was already republished in Russia but even more of them still remain unknown to Russian researchers. Cooperation between libraries in various countries is needed for designing the general catalog of these books and creating opportunities for searching them in the libraries world-wide.

Упродовж 74 років існування радянської влади за межами СРСР опинилося декілька мільйонів російськомовних людей. Протягом усіх цих років вони мали можливість читати книги, що не проходили радянську цензуру. Це складає їх цінність для істориків, які досліджують як історію Росії, так й історію російської еміграції. Спроби бібліографічного контролю цих видань були нерегулярними та не охоплювали більшої частини книжок, які було видано. Значну кількість цих книжок уже перевидано в Росії, але ще більше видань залишаються невідомими для російських дослідників. Необхідним є співробітництво між бібліотеками різних країн для створення спільного каталогу цих книжок і надання можливостей їх розшуку в бібліотеках світу.

Русская эмиграция сыграла заметную роль в литературе и искусстве Европы XX века. Фигура русского эмигранта часто попадает в романах 20х-30х годов, в частности у Ремарка, у Хэмингуэя. Русская тема часто звучала в европейском и американском кино. Дело не только в количестве русских, оказавшихся за границей в XX веке. Важно еще то, что за границей оказался цвет русской интеллигенции, большое количество творческих людей, ментальность которых была сосредоточена на создании культурных ценностей и потреблении высокой культуры.

Цифры количества русских, оказавшихся за границами СССР, как это обычно бывает, сильно разнятся. Петр Ковалевский оценивал количество русских между 9 и 10 миллионами. Согласно оценке Лиги Наций их было около полутора миллионов. Впрочем причина такой разницы очевидна. Лига Наций оценивала количество русских, не имеющих гражданства и нуждающихся в так называемых «нансеновских» паспортах. Часть же русских, оказалась в эмиграции, не сдвигаясь с места. Русское население таких стран, как Польша, Прибалтика, Бессарабия, получивших независимость, сохранили русское население, или жители Харбина, сравнительно большого города в

Китае с исключительно русским населением, остались жить там, где они жили всегда, но остались вне России, точно также как это произошло в 92 году, с той только разницей, что население это не слишком рвалось в Россию. Хотя, по некоторым оценкам, до 31 года в СССР вернулось из эмиграции более ста тысяч человек, в том числе, как известно, такие писатели как Толстой, Эренбург, Пастернак, называя только самых именитых. Оставшиеся в эмиграции составили большую группу создателей и потребителей русской культуры, роль, которую с честью выполнили русские апатриды, люди, оказавшиеся за пределами своей метрополии, но оставшиеся внутри своей традиционной культуры. В частности они составили массу читателей русских книг, написанных и опубликованных за пределами влияния советской цензуры и, тем самым, дав возможность напечатать эти книги и сохранить для потомства факты, мнения, искусство и литературу - все то, что не появилось бы на свет, если бы не было достаточно большой аудитории соответствующего интеллектуального уровня. Большую роль в формировании сознания русского читателя за границей играла русская пресса. В разных странах мира, на всех континентах издавалось в разное время несколько десятков тысяч различных газет и журналов на русском языке. Нельзя сказать, чтобы культурный уровень публикаций был очень высок, но во всяком случае ни ньюйоркское «Новое русское слово», ни парижская «Русская мысль» не позволили бы себе охарактеризовать выставку картин прерафаэлитов «собранием рисунков голых женщин,» как это сделала несколько лет назад газета New York Times.

Собственно русское книгопечатание за пределами России началось не в 17 году. Историю его можно начинать по-разному. Можно начать с первой книги отпечатанной кириллицей в Кракове, можно начать с книг, печатанных Герценом в Лондоне. Но в настоящее время наименее знакомая, хотя и наиболее популярная, область для исследователей в России это книги советского периода, долгое время недоступные в СССР, попадавшие туда изредка, привозимые энтузиастами с большим риском не только и не столько для книг сколько для себя. Редкость этих книг в СССР была такой, что даже, казалось бы, всесильный КГБ не всегда мог найти нужные им книги. На некоторые судебные процессы диссидентов в 70-80е годы КГБ не смог представить необходимые издания, фигурировавшие в качестве доказательства вины обвиняемых. Не то, чтобы обвиняемым это очень помогло, но сам по себе факт довольно показателен. Прочитав об этом в 70-е годы, я подумал, что по падении советской власти это станет проблемой для русских библиотек и наверно надо бы сделать тоже самое, что сделал Бурцев за сто лет до этого, договориться с директором московской публичной библиотеки и зарубежными издателями о посылке эмигрантских книг прямо в спецхран в обмен на обещание не выдавать эти книги по требованию КГБ. Однако первый же издатель, которому я предложил эту идею, категорически ее отверг, сказав, что никаких обещаний директор все равно выполнить не сможет и, скорее всего их даже и не станет давать, так как не те времена и не те нравы.

Сейчас Россия живет в совершенно других условиях и новому поколению уже трудно себе представить, что чтение каких бы то ни было книг было составом преступления. Уже забыто, что советские люди, получая полурассыпанные листочки «тамиздата», как назывались зарубежные издания на русском языке, по аналогии с «самиздатом,» то есть машинописными и рукописными книгами, распространяемые среди советской интеллигенции, тщательно прятали их от чужих глаз, подозревали в каждом знакомом, который без видимой причины заводил разговор на темы запрещенной литературы, стукача, в панике носили их друг другу с просьбой спрятать, если им вдруг казалось, что в их доме ожидается обыск. Ссорились за право кто будет читать первый, и смертельно обижались, если узнавали, что у кого-то была книга, которую не дали для прочтения хотя бы на одну ночь.

Бывший советский диссидент и эмигрантский автор Владимир Буковский начинает свои мемуары с эпизода о том, как его вызывают «с вещами» из камеры и он начинает собирать свои маленькие сокровища, иголку с ниткой, кусочек карандаша и прочие необходимые заключенному вещи. Но оказывается его вызывают не для перевода в соседнюю камеру, а для обмена на заключенного в Чили генерального секретаря чилийской компартии Луиса Корвалана. Несколько часов спустя он сходит по трапу самолета в Германии и вдруг понимает, что его сокровища, как золото в известной сказке, превратились в груды ничего не стоящих черепков, несколько обыденных предметов, которые можно купить в любой лавке. Примерно то же самое произошло с корпусом книг русской эмиграции в начале 90х годов. Сокровища, которые советские интеллигенты бережно

хранили в задних рядах книжных шкафов, скрывая от глаз недругов, читали по секрету и по секрету же передавали друг другу «на две ночи,» превратились вдруг в обычные книги, которые можно в любой момент купить в любом книжном магазине на Мясницкой или на Невском. Отношение к «тамиздату,» как и вообще ментальность советского интеллигента, ушло в прошлое и наверно сейчас, в частности, важно донести до молодого поколения эти ощущения запретности информации и радости ее получения и понимание того, что цензура влияет на общество исключительно негативно.

Как это ни странно, но если мы начнем говорить об истории книг русской эмиграции XX века, то начать придется с книг, напечатанных именно в России на территориях еще не захваченных советской властью. Первая печатная продукция появилась уже во время Первого Кубанского похода, известного под именем «Ледовый,» с которого в сущности начались боевые действия гражданской войны в России. В обозе армии Корнилова были несколько известных политических и культурных деятелей, среди которых был издатель Суворин, члены Государственной Думы, Шульгин и Пуришкевич. Они нашли типографские шрифты и стали выпускать по всей видимости первую в истории антисоветскую газету. На белых территориях, естественно, издавалось много печатной продукции, не обязательно антисоветской. Любопытно отношение советской цензуры к этим книгам. Ссылки на них то разрешались, то запрещались. Например, в Омском университете во времена Колчака были напечатаны мемуары фельдмаршала Милютин, естественно ничего антисоветского не содержавшие, так как Милютин умер задолго до Октября. В Большой Советской Энциклопедии в статье о Милютине ссылка на эту книгу дана, однако в «Истории дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» эта книга не фигурирует. Едва ли она была забыта случайно, т.к. заметку для Энциклопедии писал Петр Андреевич Зайончковский, главный редактор этой библиографии. Большое количество литературы издавал Осваг. Часть книг, напечатанных Освагом, конечно, пропагандистская макулатура, но частично печатались серьезные документы. Впрочем и пропагандистская литература - это небесполезный источник для историков, который необходимо иметь в библиотеках. Любопытна судьба одной осваговской книжки -- «Большевики в Ростове» А. Локермана. Она была издана в 1919 году сразу после того, как красные были выбиты из Ростова. Однако, к тому времени, когда она была напечатана, красные выбили белых из Ростова и весь тираж был ими уничтожен. Во всяком случае этой книжки нет ни в одной библиотеке. Однако видимо какие-то экземпляры все-таки были спасены, так как перевод этой книжки был издан на испанском и французском языках [Lokerman, A. [Les bolcheviks à l'oeuvre: soixante quatorze jours de dictature bolcheviste à Rostov-sur-le-Don](#) Paris, M. Rivière, 1920]

Книги эти. по нынешним временам, вообще большая редкость, большая часть их пропала в любом случае. И в Сибири, и в Одессе, и в Новороссийске белые бежали в панике и книги были последним, что они брали с собой. Мало кто забирал их в эмиграцию, а то, что оставалось в России, попало в руки большевиков и беспощадно уничтожалось. Кое что оказалось в спецхранах но естественно осталось недоступно на Западе. То, что сохранилось в частных руках уничтожалось впоследствии, так как держать их в домашних библиотеках было опасно, хотя в 30е годы было даже еще опаснее держать книги, изданные в СССР, но содержащие имена «врагов народа.» Второй раз на территории России стали печататься неконтролируемые советской цензурой книги, во время второй мировой войны на территориях, оккупированных немцами. Правда, в этом случае они контролировались нацистской цензурой. Как мне кажется, именно поэтому ничего особенно интересного издано не было, за исключением, может быть, воспоминаний Мальцева, напечатанных в Крыму, повествующих о том, как он был арестован в Средней Азии в конце тридцатых годов с подробным описанием так называемого «конвеера» -- системы допроса, направленной на изматывание арестанта. Мальцев в годы войны был одним из тех, кто безоговорочно перешел на сторону нацистов и командовал авиационным подразделением, состоящим исключительно из русских летчиков, воевавшим против СССР.

Судьба книг, изданных позднее в других странах, более благоприятна. Сейчас трудно сказать, сколько именно названий было напечатано за 70 лет. Очевидно десятки тысяч. Часть их была напечатана достаточно большим тиражом, но некоторые весьма редки. Изданные книги продавались в библиотеки, в частности в фундаментальные депозитарные библиотеки, и были сохранены для потомства. Некоторые западные библиотеки собрали уникальные коллекции русской эмигрантской литературы. Большие коллекции русских эмигрантских книг есть в Библиотеке Конгресса

са, Библиотеке Британского Музея, Гарварде, Стенфорде, МТИ, Иллинойском Университете В Шампан-Урбане. Несомненно это помогает современным русским библиотекам, так как всегда можно получить текст, но известно -- ничто не заменит оригинальное издание, хранящее ауру своего времени..

За последние 15 лет в России было напечатано много книг, ранее запрещенных, и много из того, что было напечатано за границей. Однако напечатано далеко не все. Более того, далеко не все, что было напечатано за границей, имеет смысл перепечатывать в России: в эмиграции, как везде и всюду, печаталось много графоманских произведений и сиюминутных рассуждений. Тем не менее даже эти неважные, с точки зрения массовой продукции, книги могут оказаться важными для исследователей и существует необходимость собирания их в депозитарных библиотеках России. К сожалению далеко не все эти книги попали даже в западные библиотеки. Общая политика в отношении книг, напечатанных не на автохтонных языках, заключалась в том, что если книга имеет какую-либо ценность, то она обязательно будет напечатана на родине. При этом не делалось разницы между демократическими странами и странами с авторитарным режимом с суровой цензурой. В 70е-80е гг. я работал в библиотеке Иллинойского университета, где благодаря покупке трех крупных частных библиотек – Мережковского и Гиппиус, Георгия Вернадского и барона Таубе, собралась значительная коллекция русских эмигрантских книг 20х-30х гг. Однако новые книги библиотека закупала неохотно. Только когда однажды за большие деньги была закуплена коллекция пленок русских книг, изданных в 19 веке в Лондоне и Женеве и я сказал, что когда-нибудь придется сделать то же самое с русскими книгами, издающимися сейчас, тогда как можно их покупать в оригинальных изданиях, библиотека согласилась, что в этом есть необходимость.

Кроме собраний русских эмигрантских книг в библиотеках, все еще существуют крупные коллекции книг русского зарубежья в частных руках. Например, Михаил Юпп собрал большую коллекцию книг русской эмиграции, в том числе коллекцию книг русской зарубежной поэзии, содержащую 2101 название и совершенно уникальную коллекцию 344 книг ДиПи, то есть книг, издававшихся в лагерях для русских беженцев после второй мировой войны. В основной массе это миниатюрные издания русской классики, но среди них есть и оригинальные издания авторов, попавших в эти лагеря. Книги эти очень редки, всего по разным оценкам их было издано от 600 до 800 названий, в лагерях мало кто думал о сохранении книг, главная забота была не попасть в руки советской власти, в чем советской власти активно помогали западные администрации. Огромную библиотеку и архив документов собрал Ростислав Полчанинов. Сейчас он постепенно передает эти книги и документы в Российский фонд культуры.

Наличие книг в западных библиотеках в условиях современной информационной культуры несомненно играет важную роль, но тем не менее есть необходимость собрать, по возможности, весь корпус русских книг эмиграции на родине. Российские исследователи, литературоведы и историки все чаще выходят на эмигрантскую тему. Невозможно писать о Бунине или Цветаевой, Милюкове или Карсавине, Бердяеве или Шестове, не касаясь их эмигрантского периода, а коснувшись его, появляется необходимость ознакомиться с сопутствующими изданиями писателей, поэтов, историков и философов зарубежья, творчество которых само по себе может быть не столь важно, чтобы перепечатывать их вторым изданием, но тем не менее важно для понимания творчества современных им гигантов. Таким образом перед русскими библиотеками и библиотекарями встала задача, которая вот уже много лет, с тех пор как появились национальные библиографии, для них не существовала, а именно найти и зарегистрировать огромный корпус книг, выходявших на протяжении почти всего XX века и не регистрировавшихся в едином реестре по мере выхода.

Русские эмигранты издавна говорили о том, что необходимо собирать книги, документы и материалы, касающиеся русской эмиграции советского периода. В этом направлении было много сделано, существует несколько архивов, часть которых уже передана в российские архивные учреждения.

Нас сейчас интересуют главным образом печатные книги и что было сделано в России в направлении их сохранения. Уже в самом начале периода гласности и перестройки сразу же заговорили о необходимости сохранения материалов русского зарубежья. В конце 1986 г. в СССР по инициативе Дмитрия Сергеевича Лихачева был создан Советский фонд культуры, который по падении советской власти был переименован в Российский международный фонд культуры. Д. С. Лихачев его и возглавил. Он обратился к круским эмигрантам с просьбой вернуть на родину

сбереженные ими реликвии и гарантировал, они будут переданы музеям, библиотекам, картинным галереям и в специально созданный Центр по изучению культуры русского зарубежья. Таким образом возник Архив русского зарубежья в Музее Марины Цветаевой, который решением Президиума Советского фонда культуры в 1990 г. был передан Культурному центру «Дом-музей Марины Цветаевой». В музее для архива были специально оборудованы помещения, где началась научная обработка, изучение и популяризация архивных материалов. В настоящее время Архив русского зарубежья насчитывает свыше 22 тысяч единиц хранения, среди которых кроме архивных документов, есть книги и периодика.

Несколько позднее, в августе 1991 года, в Москве, по инициативе В.А. Москвина и Н.А. Струве, был создан филиал эмигрантского издательства ИМКА-Пресс «Русский Путь» и в 1995 году при деятельном участии четы Солженицыных, в Москве была открыта библиотека-фонд «Русское Зарубежье,» разместившаяся в здании бывшей районной библиотеки бывшего Пролетарского района. В последние годы библиотека расширилась и получила новое здание. В настоящее время библиотека насчитывает более 60 тыс. экземпляров книг и периодики и постоянно пополняется новыми поступлениями. Много книг приходит из Америки от комитета «Книги для России,» который получает их в дар от русских эмигрантов в Америке. Дубликаты книг передаются в собрания библиотек провинциальных городов России, в частности в 2007 году была передана большая коллекция книг русского зарубежья в публичную библиотеку Нижнего Новгорода. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» имеет свой сайт в Интернете, в котором, в частности, есть электронный каталог книг.

Кроме Библиотеки Русского Зарубежья в Москве, в Московской Публичной библиотеке был открыт «Отдел литературы русского зарубежья,» созданный на основе «Спецхрана.» Спецхран, отдел специального хранения, был создан в 1922 г. по постановлению Совнаркома от 14 дек. 1921 года и просуществовал до 1988 года. В течение многих лет цензоры Главлита направляли туда книги на иностранных языках, изданные за границей, которые содержали критику в адрес СССР или коммунистической идеологии и книги нежелательных авторов, даже если ничего антисоветского или антикоммунистического в них не содержалось, а также эмигрантскую литературу. Таким образом, в силу исторических причин в Спецхране был сформирован книжный фонд, который состоял из двух частей: зарубежные издания о России и коллекция изданий Русского зарубежья. Интересно, что собрание бывшего спецхрана включает около 85% всех документов «россики», имеющихся в Библиотеке. Очевидно только 15% литературы об СССР не содержало критики в адрес построения социализма в отдельно взятой стране и могло быть выдано для прочтения читателям.

В 1991 году из фонда были выделены издания русской эмиграции и был создан «Отдел литературы русского зарубежья». В этой коллекции особенно полно представлены книги и документы первой волны эмиграции. Это не удивительно, так как после второй мировой войны в руки Главлита попали библиотеки так называемых «стран социалистического лагеря» и Северного Китая, в которых находились крупные культурные центры русского зарубежья. В фонде Отдела литературы русского зарубежья около 122 тысяч ед. хранения русскоязычных изданий, вышедших после 1917 г. за границей, в том числе более 25 тысяч книг, более 650 названий журналов, около 270 названий газет. В частности ценной частью фонда является собрание газет, вышедших на территориях, занятых антисоветскими армиями и правительствами в годы гражданской войны и газет, выходивших на оккупированной территории СССР во время Второй мировой войны.

Библиография всегда была важной частью библиотечной деятельности. За много лет существования русской эмиграции было создано много общих и частных библиографий. Работа в этой области продолжается как в России, так и в других странах.

Исключительно важным элементом учета книг является библиография библиографий. В области книг русского зарубежья в этом направлении было уже сделано очень много. Учтены библиографии зарубежных библиографов, появилось много новых, напечатанных в России. Первая статья, посвященная библиографии русской библиографии за рубежом, появилась еще в 1991 году, в журнале, тогда еще называвшемся «Советская библиография». Автором ее был ваш покорный слуга. Американский библиограф Марк Куликовский издал две большие статьи на тему библиографии книг русского зарубежья. Онлайн-энциклопедия «Книга» дает хороший список библиографического инструментария в статье «Библиография изданий русского зарубежья». К ны-

нешнему времени уже есть целый корпус книг и статей, посвященных русскому зарубежью, в том числе книгам и издательствам. Сейчас существует несомненная необходимость составления сводного каталога книг русской эмиграции советского периода. Эта задача не по плечу одному человеку, но должна быть решена. Некоторый опыт создания коллективной библиографии в этой области уже есть. По образцу «Истории дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» была создана библиография «Россия и российская эмиграция в дневниках и воспоминаниях», совместный проект Государственной исторической публичной библиотеки России и Стенфордского университета. В современных условиях поиск книг сильно облегчается существованием электронных баз данных, таких как OCLC, в которых можно осуществлять поиск по месту публикации и языку. Таким образом, поиск книг по ключам «Русский язык» и «Париж», ограниченный годами 1917-1991 даст все книги, изданные в Париже на русском языке таких издательств как «ИМКА-Пресс», «Возрождение» и других за время существования советской власти. Надо также иметь в виду, что «Париж» и «Paris» дают разные результаты. К сожалению, далеко не все книги попали в библиотеки, и среди тех, что попали, далеко не все оказались в базах данных. Поэтому необходимо искать издания традиционными методами, по объявлениям в эмигрантских газетах и торговым каталогам издательств. Трудность составления этой библиографии заключается главным образом в разбросанности мест публикации буквально по всему земному шару, от Аляски до Тасмании. Соответственно желательно привлечь заинтересованных библиографов практически из всех стран мира, в библиотеках которых можно разыскать ранее издававшуюся периодику на русском языке. Особенно важно привлечь библиографов, работающих в бывших культурных центрах эмиграции.

Желательно чтобы какая-то библиотека взяла на себя руководство этим проектом. Естественно всего это было бы сделать Библиотеке «Русское Зарубежье» в Москве, как целиком посвященной книгам эмиграции. В зарубежных библиотеках работает много библиотекарей русского происхождения, я думаю многие из них с энтузиазмом подхватят идею собирания русских книг. Необходимо также изыскать фонды для создания базы данных с машиночитаемыми текстами тех книг, которые в настоящее время уже практически невозможно найти в оригинальной форме.

Я надеюсь, что этот проект рано или поздно осуществится. Было бы грустно, если бы энтузиазм и самоотверженность русских эмигрантов пропала в неизвестности.